

Чехов-драматург

К 45-летию со дня смерти А. П. Чехова

Имя Антона Павловича Чехова дорого каждому советскому человеку. В его произведениях нам ближе и дороже всего страстное утверждение жизни, любовь к человеку, вера в его великое предназначение, т. е. то, что сближает Чехова с творчеством Алексея Максимовича Горького. Именно поэтому пьесы Чехова, воплощенные на сцене советского театра — театра социалистического реализма, звучат с новой, ранее неизвестной им силой.

Художник огромного социального звучания, Чехов всегда сочетал в своем творчестве глубокую неудовлетворенность мещанским бытом с горячей верой в близкое обновление жизни; горькую и мучительную скорбь о тяжелой доле своего народа — с видением светлых картин будущего России, в которой будут жить «... необыкновенные, замечательные люди». Наиболее яркое воплощение получили эти мысли и чувства писателя в его драматургических произведениях. Именно в драматургии Чехова с особой силой проявился глубоко новаторский характер его творчества.

По словам М. Горького, Чехов создал «совершенно новый вид драматического искусства», в котором «реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа». «Слушая Вашу пьесу («Дядя Ваня». — Ю. З.), — писал Горький Чехову, — думал я о жизни, принесенной в жертву идолу, о вторжении красоты в нищенскую жизнь людей, и о многом другом, коренном и важном. Другие драмы не отвлекают человека от реальностей до философских обобщений — ваши делают это».

И действительно, изображая жизнь в ее повседневном течении, наполняя свои произведения мелкими, на первый взгляд как бы незначительными, не связанными один с другим фактами и деталями, Чехов-драматург вместе с тем поднимается над этой повседневностью к глубоким общественно-социальным и философским обобщениям.

Особенно характерной чертой драматургии Чехова является то, что в его пьесах нет искусственных драматических коллизий и ситуаций, против которых всегда протестовал Н. А. Добролюбов. «Как вы... заставьте меня верить, — писал великий критик, — что в течение какого-нибудь получаса в одну комнату... приходят один за другим десять человек, именно те, кого нужно, именно в то время, как их тут нужно, встречают, кого им нужно, начинают... разговор о том, что нужно, уходят и делают, что нужно, потом опять являются, тогда их нужно. Делается ли это так в жизни, похоже ли это на истину?».

Чехов не прибегает ни к искусственному, нарочитому сплениению обстоятельств и фактов, ни к драматизации каких-либо отвлеченных сентенций.

Называя свои драмы и комедии «маленькими романами», Чехов тем самым как бы подчеркивал «повествовательный характер», «повествовательную форму» своей драматургии. В пьесах на основе какого-либо одного центрального события дается широкая картина всей жизни действующих лиц не только в настоящем, но и в прошлом и даже в будущем. Так, например, продажа вишневого сада позволяет драматургу показать весь жизненный путь его владельцев не только в рамках сценического действия, но и в далеком прошлом, еще при крепостном праве, когда покойный барин «всех сургучом пользовал», и в будущем, после того как они покинули разоренное родное гнездо.

Глубокое проникновение в современную драматургу действительность, проникновение, при котором общественные и социальные конфликты выступают на фоне внешне-повседневной и обыденной жизни, обусловили особое композиционное построение произведений чеховской драматургии. На первый взгляд каждое действие в пьесе Чехова существует как бы самостоятельно, внешняя связь между отдельными актами отсутствует, в основе каждого из них лежит свое, исчерпанное в нем событие (именины Ирины, пожар по соседству, приезд Раневской и т. д.). Но за этой внешней изолированностью сценических событий, за спокойным повествованием скрыто внутреннее, подспудное движение жизни, названное Вл. И. Немировичем-Данченко «подводным течением».

Повествовательная форма произведений чеховской драматургии обусловила не только их композиционную цельность и законченность, но и потребовала от художника необычайной строгости и скупости в отборе жизненных событий, фактов, явлений. В его пьесах, где все на первый взгляд случайно, все может быть устранено, на самом деле нет ничего случайного и устранимого. Чехов строил свои пьесы, как музыкальные композиции, очищал их от всего второстепенного, наносного и тем самым достигал огромной силы художественного воздействия.

Отображая в своих произведениях повседневную, будничную жизнь, показывая скрытые под ее внешней обыденностью острейшие общественные и социальные конфликты, Чехов обнажает современную ему действительность в ее глубочайших противоречиях и контрастах. Наиболее резкий контраст, проходящий через все творчество Чехова, основан на глубоком противоречии между чеховской мечтой и страшной действительностью царской России. Еще в 1892 году, задолго до написания своих лучших драматических произведений, Чехов в одном из писем высказывал мнение о художниках, которых принято называть великими: «Лучшие из них реальны и пишут жизнь такую, какая она есть, но от того, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, Вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет Вас». Эту мечту о жизни «какая должна быть» К. С. Станиславский назвал лейтмотивом всего чеховского творчества, а М. Горький определил, как «высшую точку зрения» на жизнь, с которой Чехов «освещает ее скуку, ее нелепости, ее стремления, весь ее хаос...».

Особого внимания заслуживает отношение Чехова к своему подлинному герою — простому русскому человеку, человеку труда. Чехов поэтизирует таких людей. Надеясь их мечтой о будущей красивой и справедливой жизни, он предполагает в их повседневном, кропотливом труде высокое и благородное назначение, вносит в их скучную, серую жизнь элементы осмысленности и красоты. Достаточно вспомнить слова Чехова, вложенные им в уста героини пьесы «Дядя Ваня» Елены Андреевны о докторе Астрове, чтобы понять всю глубину чеховской любви к простым русским людям, всю силу гнева писателя по отношению к паразиту, порабоцевавшему и глушившему этих людей.

Общественный пафос и социальная направленность такого изображения простого русского человека-труженика были вполне ясны и современникам Чехова. Здесь отражалась, по словам К. С. Станиславского, вся драма современной русской жизни. «...Серебряков — мыльный пузырь, не по праву занимающий высокий пост, а живые талантливые люди, дядя Ваня и Астров, в это время гноят свою жизнь в медвежьих углах обширной неустроенной России. И хочется призвать к кормилу власти настоящих работников и тружеников, прозябающих в глуши, и посадить их на высокие посты вместо бездарных, хотя и знаменитых Серебряковых».

В своих последних письмах к Чехову, написанных в преддверии первой русской революции, М. Горький настойчиво убеждает писателя в том, что «настало время нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого...». Чехов остро почувствовал приближение нового. Герои его последних произведений смело призывают бурю, «здоровую, сильную бурю», которая сдует с общества «лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку».

Чехов, конечно, не мог разглядеть в молодом рабочем классе России решающую революционную силу, понять тот реальный путь и те реальные средства борьбы, которые привели к осуществлению его мечты о расцвете всех творческих сил народа. Но то, что не смог совершить Чехов, с величайшей силой воплотил его друг, родоначальник и классик пролетарской литературы — Горький, поднявший театр на новую ступень, наполнивший его новым, революционным содержанием, воспевший нового героя истории — представителя революционного рабочего класса России, героя, у которого мечта и борьба слились воедино.

Ю. ЗУБКОВ.